

7 июля 1983 года

К 200-ЛЕТИЮ ГЕОРГИЕВСКОГО ТРАКТАТА

«МЫ СВЯЗАНЫ ПРОЧНЫМИ УЗАМИ ДРУЖБЫ», —

ГОВОРИТ ГЕРОИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА,
НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР, ДИРЕКТОР МОСКОВСКОГО МАЛОГО ТЕАТРА МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ЦАРЕВ

Ровно в час дня, как и было предусмотрено, секретарь директора — посовременному деловитая сподвижница корифеев с хорошо поставленным голосом характерной драматической актрисы — привлекла меня в кабинет Михаила Ивановича Царева. Один из замечательнейших русских, советских актеров, председатель ВТО — Всероссийского театрального общества, создатель ряда сценических образов, золотыми строками вписанных в историю русского советского театра, Михаил Иванович приветливо поднялся мне навстречу из-за стола, за которым, надо думать, сидели обладатели немалого числа славных театральных имен.

Наша встреча с Михаилом Ивановичем была связана с приближающимся 200-летием Георгиевского трактата. Поэтому первый мой вопрос касался связей Малого театра с грузинским театром.

— Малый театр связан с грузинским театром прочными узами дружбы, — сказал М. И. Царев, — и теперь, и в дореволюционные времена. Об этом свидетельствует и премьерство, директорство Александра Ивановича Сумбатова-Южина. И то, что еще до революции Константин Александрович Марджанишвили принимал участие в работе Малого театра, поставил на его сцене «Дон Карлос» Шиллера.

Здесь автору хотелось бы сделать небольшое отступление, связанное с А. И. Сумбатовым-Южним. Много лет ведущий актер «героико-романтического направления», драматург и руководитель Малого театра, А. И. Сумбатов-Южин (1857—1927 гг.), как сказано о нем в БСЭ, родился в Тульской губернии в с. Кукуевке в семье грузинского князя. Окончил юридический факультет Петербургского университета. В студенческие годы участвовал в спектаклях различных трупп, выступавших на клубных сценах Петербурга и Тифлиса. Приводятся и такие данные: в Малом театре он работал с 1882 г., дебютировав в роли Чапского, и до конца жизни. С 1909 г. был управляющим труппой, с 1918 — председателем совета, с 1919 — председателем дирекции, с 1923 — директором, с 1926 — почетным директором.

— Нужно заметить, — продолжал далее Михаил Иванович, — что эти связи не прерываются. На нашей сцене выступали коллективы театров имени Руставели и имени Марджанишвили. Самое большое впечатление произвели ваши замечатель-

ные актеры: Верико Анджелиадзе, Акакий Хорава, Акакий Васадзе, не забываем исполнение роли царя Эдипа в спектакле руставелевцев Серго Закариадзе, игра ряда других актеров. И наш Малый театр гастролировал в Тбилиси, оставивший в наших сердцах самые теплые воспоминания.

— Второй мой вопрос, Михаил Иванович, обращен к вам, как к постановщику «Короля Лира» и исполнителю главной роли и в связи с вашими словами о необходимости все более глубокого постижения драматургического материала... Я хотела бы напомнить о примере, который приводит в одной из своих работ Сергей Юткевич.

Отрицая попытки «подправить», «обновить» Шекспира, он в качестве интересного примера глубинного постижения текста пьесы и права режиссера обнаруживать в классике «скрытые доселе возможности и богатства» приводит постановку «Короля Лира» Джорджио Стрелером в его миланском «Пикколо-театре». «Тщательно изучив текст трагедии, режиссер обнаружил, что на сцене никогда не присутствуют одновременно Корделия и шут. Это позволило ему создать новую судьбу дочери короля: несмотря на смертельную обиду, она из любви к отцу решает остаться при нем, приняв облик шута».

И самое драгоценное в опыте Джорджио Стрелера, считает Юткевич, что никого насилия над текстом ему не понадобилось. Эта версия режиссера подтверждается и судьбой преданного Лиру Кента, который тоже ведь остается с королем неизвестным им. Грузинский театр не раз обращался к «Королю Лиру», ему известны и успех, и неудачи, недавно, видимо, новое его обращение к этой трагедии...

— Михаил Иванович, следующий мой вопрос обращен к вам, как к постановщику «Короля Лира» и исполнителю главной роли и в связи с вашими словами о необходимости все более глубокого постижения драматургического материала... Я хотела бы напомнить о примере, который приводит в одной из своих работ Сергей Юткевич.

Отрицая попытки «подправить», «обновить» Шекспира, он в качестве интересного примера глубинного постижения текста пьесы и права режиссера обнаруживать в классике «скрытые доселе возможности и богатства» приводит постановку «Короля Лира» Джорджио Стрелером в его миланском «Пикколо-театре». «Тщательно изучив текст трагедии, режиссер обнаружил, что на сцене никогда не присутствуют одновременно Корделия и шут. Это позволило ему создать новую судьбу дочери короля: несмотря на смертельную обиду, она из любви к отцу решает остаться при нем, приняв облик шута».

И самое драгоценное в опыте Джорджио Стрелера, считает Юткевич, что никого насилия над текстом ему не понадобилось. Эта версия режиссера подтверждается и судьбой преданного Лиру Кента, который тоже ведь остается с королем неизвестным им. Грузинский театр не раз обращался к «Королю Лиру», ему известны и успех, и неудачи, недавно, видимо, новое его обращение к этой трагедии...

Вижу по лицу Михаила Ивановича: такая трак-

товка ему не по душе. Он говорит:

— Что касается глубины... Ведь шут понимает, что Лир совершил ошибку, изгнав Корделию. Это важно для идеи спектакля. Если один и тот же актер, скорее — актриса будет играть роли Корделии и шута, то, я думаю, это будет мешать идею связанных с ним сцен. Просто зрители станут следить за актрисой, как она играет роль шута, мужскую роль...

— Мне хотелось бы избежать вопроса о самой любимой роли, полагаю, что роли, как книги, нельзя любить одну, потому что вы бы сказали о своих любимых ролях?

— Да, не может быть любима одна. Я очень много сыграл хороших ролей и отдавал им все.

Всю жизнь, можно сказать, играл Чайского, лет тридцать, лет тридцать тому назад начал играть Фамусова и с большим интересом взялся за воплощение этой роли. Протасов, Арбенин, Рюй-Блаз, полковник в «Селе Степанчикове и его обитателях», Рамаданов в «Крыльях» Корнейчука, Смит в «Русском вопросе» К. Симонова, Пушкин, пьесы Шекспира — все это прекрасные страницы моей жизни. Теперь я играю в «Перед заходом солнца», Лира, Фамусова, горьковского Старика, Вожака в «Оптимистической трагедии». Много ролей. Притом и жизнь моя большая — более шестидесяти лет, как актерствую.

— Что бы вы могли добавить к сказанному?

— Я хотел бы поздравить с большим праздником — 200-летием соединившего наши судьбы Георгиевского трактата — дорогих друзей в Грузии, театральных работников республики и желаю им новых больших творческих успехов в деятельности замечательного грузинского народа.

С. ГВЕЛЕСИАНИ,
спец. корр. «Вечернего Тбилиси».
г. Москва.